Поэтический венок Есенину

Составитель Виктор Кирюшин

Глеб ГОРБОВСКИЙ

ДОРОГА В КОНСТАНТИНОВО

Трава, тяжёлая от пыли.
Ночь в проводах жужжит, как шмель.
…А ведь Есенина убили,
не вызвав даже на дуэль.
За красоту, за синь во взгляде!
Так рвут цветы, так мнут траву.
Его убили в Ленинграде,
где я родился и живу.
И, чтоб не мыслить о потере,
снесли тот дом, где он… затих.
Но и в фальшивом «Англетере»
витают боль его и стих…

…Вчера, сложив печаль в котомку
и посох взяв опоры для,
я вышел в призрачных потёмках,
тайком из города – в поля,
туда – в зелёное… Где птицы…
Где нам глаза его цвели…
За убиенного в столице
просить пощады у Земли…

Николай ДМИТРИЕВ

* * *

Под Рязанью визжат поросята
И закрыт станционный буфет,
И старухи в окошко косятся
На медлительный желтый рассвет.

Мне шестнадцать – к Есенину еду,
Крепко томик сжимаю рукой
И со всеми вступаю в беседу:
Где такое село над Окой?

Вот проснулся мужик – грудь нагая.
«Не подскажете, где же он жил?».
Тот сидел и сидел, постигая,
Помолчал и про клен заблажил.

И старуха в тулупчике ветхом
Прочитала про цветь и про синь.
«До Рязани, – сказала, – доехай
И в райкоме про все расспроси».

…Я вернулся – с грошами сурово,
И назад – хоть попутку лови,
С пониманьем, что главное – слово,
А он ставил его на крови.

Чтоб всегда: и в дожди и в метели
Пробирались на берег Оки,
Чтоб поменьше, уставясь, глазели
На цилиндры и на пиджаки.
Чтоб звучало тревожно и свято
Над толпою забывчивых лет,
Даже если визжат поросята
И закрыт станционный буфет.

Юрий ПАРКАЕВ

ЕСЕНИН

С модной тростью,
в смокинге цивильном
Он ходил,
шокируя цилиндром
Революционную Москву:
Барду, избалованному славой,
Нравилось
мальчишеской забавой
Волновать неверную молву.
А ночами мастером суровым,
Раздвигая зрение над словом,
Он вгрызался в недра языка.
Каторжна была его работа.
Но светлы мгновения полёта
Над рябым листом черновика.
…Снова неожиданным ознобом
Он идёт по сумрачным сугробам
Сквозь колонны скорби и любви,
Чтобы снова вспыхнуть,
как легенда,
Воплотившись
в бронзу монумента,
В храм нерукотворный на крови.
Грустный, словно музыка из сада,
Нежный,
словно лепет звездопада,
Вечный, словно солнечный восход,
Кто же он,
как не сама Природа, –
Юноша, пришедший из народа
И ушедший песнею в народ.

Михаил ДУДИН

* * *

Душа – навыворот! Рубаху
Рванув от ворота с плеча –
С такой душой идут на плаху
Иль убивают палача.

И он из тех, из настоящих,
Перекричал и смех и плач:
«Я сам души своей приказчик,
Судья, и жертва, и палач».

Есть в мире высшая свобода
Души возвышенно-большой:
Отдать себя душе народа
И стать потом его душой.
Идет рассвет из-под Рязани,
И тает месяц запятой:
«Ах, мальчик с синими глазами!
Ах, золотистый-золотой!».

Мне все мерещится – сдается,
Что я печаль твою сотру.
А голос льется из колодца,
Поет и плачет на ветру.

И стонет выпь, и утка крячет,
И по осенней стороне
На смерть и подвиг всадник скачет
Один на розовом коне.

Татьяна СМЕРТИНА

* * *

Любой березняк —
По Есенину звонница!
Никто уже так
Перед ней не помолится.

У нас деревень
Нынче тыщи разрушено.
И злато полей
По ветрам буйным пущено.

Увечье земли
Как от гнета тиранского.
К чему мы пришли
Без уклона крестьянского?

Как храм, березняк
В честь Поэта возносится.
Никто уже так
На нож правды не бросится.

Владимир ФИРСОВ

НА РОДИНЕ ЕСЕНИНА

Ещё не поросли тропинки,
Что слышали твои шаги.
И материнскою косынкой
Ещё пестрят березняки.

И говор леса, говор дола,
И говор горлинок в лесах
Зовут тебя к родному дому,
Счастливого или в слезах.

Им всё равно, каким бы ни был, –
Найдут и ласку и привет.
По вечерам играет рыба
И бабочки летят на свет.

И розовеющие кони
В закатном отсвете храпят.
И в голубых туманах тонет
Пугливый голос жеребят.

Всё ждёт тебя.
Всё ждёт, не веря,
Что за тобой уж столько лет
Как наглухо закрыты двери
На этот самый белый свет.

Ты нам оставил столько сини!
А сам ушёл, как под грозой,
Оставшись
на лице России
Невысыхающей слезой.

Виктор КАРПУШИН

* * *

Крылами машут ветры во поле,
Сомнения мои – не в счёт.
Весь белый свет дожди заштопали,
Но времечко сквозь швы течёт.
Подтачивает корни берега
И обнажает боль и грусть.
Желтоволосый мальчик бегает.
Храни его, святая Русь!

Луна дрожит, как лист осиновый,
Обманчив утренний покой.
Прощай, селенье Константиново,
Живи есенинской строкой.
Дороги смотрят недоверчиво,
В туман, в себя погружены.
И тихий разговор: "До вечера…
До вечности… до тишины…".

Вячеслав БОГДАНОВ

ПАМЯТИ ПОЭТА

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу…
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.
Сергей Есенин

Улеглась в гостинице гульба,
Жёлтый мрак качался в коридоре.
Как смогла ты, подлая труба,
Удержать такое наше горе?!
Не вино сдавило вдруг виски,
Не метель,
что выла, словно сука, –
Это пальцы подлостей людских
Прямо к горлу подступили туго.
Спал подлец,
напившись в кабаке,
Над поэтом зло набалагурясь…
Смертный миг…
Лёд треснул на Оке…
Только мать на всей Руси
проснулась…
Что же ей почудилось тогда?
Может быть,
взаправду увидала,
Как с небес горючая звезда
На крыльцо морозное упала.
И зажгла зарю в селе звезда.
Мать у русской печки суетилась.
По снегам глубоким, как беда,
Весть на санках к дому подкатилась.

Рухнул месяц с голубых высот.
И берёзы в дымной круговерти,
Словно петлю, рвали горизонт
И стонали голосом бессмертья.

Виктор БОКОВ

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

На Ваганьковском кладбище
осень и охра,
Небо – серый свинец
пополам с синевой.
Там лопаты стучат,
но земля не оглохла –
Слышит, матушка, музыку
жизни живой.

А живые идут на могилу Есенина,
Отдавая ему и восторг и печаль.
Он – Надежда. Он – Русь.
Он – ее Вознесение.
Потому и бессмертье ему по плечам.

Кто он?
Бог иль безбожник?
Разбойник иль ангел?
Чем он трогает сердце
В наш атомный век?
Что все лестницы славы,
Ранжиры и ранги
Перед званьем простым:
Он – душа-человек!

Все в нем было –
И буйство, и тишь, и смиренье.
Только Волга оценит такую гульбу!
Не поэтому ль каждое стихотворенье,
Как телок, признавалось:
– Я травы люблю!

И снега, и закаты, и рощи, и нивы
Тихо, нежно просили:
– От нас говори! –
Не поэтому ль так охранял он ревниво
Слово русское наше,
светившее светом зари.

Слава гению час незакатный пробила,
Он достоин ее, полевой соловей.
Дорога бесконечно нам эта могила,
Я стою на коленях и плачу над ней!

Анатолий ГРЕБНЕВ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Не о том ли всю ночь,
безутешен,
Бьётся ветер
и плачет навзрыд,
Что Есенин убит и повешен.
И повешенным в землю зарыт.

Сатанинские тёмные силы,
Превращая в пустыню страну,
Знали:
в лучшем поэте России
Убивают Россию саму!
Стал для русского
в счастье и в горе
Всех дороже
мятежный певец.
До сих пор у России на горле
От петли не проходит рубец!

Валерий СУХОВ

ЕСЕНИНСКАЯ ОСЕНЬ

Вот и нас есенинская осень
Осенила золотым крылом.
Все заметней индевеет проседь.
И грустим всё чаще о былом.

Утонула в сумерках дорога,
По которой молодость ушла.
Как листок, трепещет одиноко
На ветру продрогшая душа.

Что ж. Выходит, наша песня спета.
Наступает холодов пора,
И согреют грудь стихи поэта,
Как тепло осеннего костра.

Евгений ЮШИН

ЕСЕНИНУ

Поет мужик в полуночном трамвае,
Что клен опал,
что клен заледенел.
В его глазах дымится, вызревая,
Слеза, с которой сладить не хотел.

Тверским кольцом повенчан
с высшей музой,
Стоишь в свои мечтанья погружен.
Мой нежный хулиган,
я тоже русый,
Я тоже русской песней обожжен.

Очнись, Сергей,
у нас в России осень.
И хорошо, бродя березняком,
Раскланиваться с каждою березой,
С которой хоть немножечко знаком.

Пойдем туда, где около дороги
Заря примерит платье из парчи,
Где на мозолях пашен, слава Богу,
В земных поклонах трудятся грачи.

Искристой далью водку запивая,
С души одернем городскую спесь.
И может быть в полуночном трамвае
Хмельной мужик мою затянет песнь.

Максим ЕРШОВ. Кленовый сок для русской революции

О книге Захара Прилепина «Есенин…»

(Начало – стр. 1)

Писатель Захар Прилепин в последнее время много написал об имажинизме.

По Прилепину имажинизм – это добро и свет, это энергия, сила, собранность и творчество (в пику беспомощности крестьянских поэтов, наблюдавших за Есениным с горечью и недоумением). По Арсению Авраамову, своевременно написавшему книгу «Воплощение: Есенин-Мариенгоф», они «пророки величайшей Революции, творящие на грани двух миров, но устремлённые – в великое Будущее». Действительно…

Мариенгоф бросил семя: «Говорю: идите во имя меня /Под это благословенье! /Ирод – нет лучше имени, /А я ваш Ирод, славяне». Имажинисты развезли его по стране в салон-вагоне и тому подобном. И вот в 1923 году «видный пролетарий тех лет» Василий Александровский «пророс»: «Бешено, /Неуёмно бешено /Колоколом сердце кричит: /Старая Русь повешена, /И мы – её палачи»… Какой старообрядческий пафос всё-таки, да?

Так разумное-доброе-вечное даёт упрямые всходы. Вот и сам главный напарник Анатолия по операции «имажинизм» – Есенин, как то показывает Прилепин, не избежал влияния и «настройки». Не сразу и не до конца (голова крестьянская!), но удалось, вросло. И много осталось, конечно, на всю краткую жизнь: «В самом широком смысле, и в прямом и переносном, лакированные башмаки в жизни Есенина появились – от Мариенгофа. Есенин с удовольствием надел их, прибрав лапти». Да, и с петли его снимут именно в лакированных башмаках, столь не подходящих случаю… В целом же, когда выдохся имажинизм, кончилась Гражданская, начался НЭП, приелся эпатаж и *отпала его необходимость* – у Есенина осталась за душой поэзия. У Мариенгофа – её не осталось. Мариенгоф, заканчивая *исполнять* имажинизм, поступил соответственно: женился. Есенин, раз начав поэзию, продолжил исполнять не имажинизм – судьбу. Прилепин отмечает: «Есенин писал о себе – «Осуждён я на каторге чувств /Вертеть жернова поэм». Мариенгоф мог вертеть жернова чего угодно: главное, приспособиться к очередному занятию». Какая прелесть.

…Стезя Мариенгофа понятна до боли. Это был его мир, и он был дитя этого нового мира. По-английски прагматичный, по-английски же разодетый, он в стихах был по-английски субъективен, в чём есть, конечно, свой «идеализм» понятного толка.

Ну а что Есенин, кормившийся в начале 20-х с той же руки? В 1921 году он очень вовремя и накрепко знакомится с Айседорой. На мой взгляд, можно понимать этот счастливый случай так: силы прогресса прислали за фактурным актёром со сцены русского большевизма шлюпку.

В чём заключается смысл момента? Большевики удержались на престоле, надо было думать о перспективах «этой страны». В Гражданскую из Кремля не вылезали англичане и американцы. Теперь пришло время реализации завоеваний революции. Требовалось снятие блокады с Советской России, чтобы наконец начать торговать направо и налево.

В 1922 году Советская Россия готовилась к международной конференции в Генуе. Нужно было создавать образ России с человеческим лицом, а не с рогами. В том же заключались тогдашние интересы американских и британских концессионеров, охочих до бакинской нефти, ленского золота и много чего ещё.

И вот сначала в Россию, с подобающим злобе дня информационным сопровождением, прибывает Айседора Дункан. Она заводит школу, она обласкана добрейшим советским правительством. Она шлёт на Запад репортажи и интервью. Звезде мировых сцен подыскивают фотогеничного блондина, который к тому же поэт, харизматичен, привычен к сцене и наш в доску. И – поехали. Следом, кстати, в те же края тронется и Маяковский. Поедут ведущие театры страны и её, страны, музейные сокровища.

Пить Есенин начал еще с осени 1921 года – как только сошёлся с Дункан, у неё в особняке на Пречистенке. А раньше, говорит Прилепин, не пил. Стала ли грызть его сердце проданная за обещания и за богатую жизнь свобода? Чувство утраты первородства поэта? Была ли ему в тягость эта экстравагантная, добрая и умная Айседора, которую ему навязала политика – указуя его действительное служебное место жиголо при дорогой гостье, да и то пока сохраняли свою силу расклад да повестка? Безусловно. Но весь глубокий цинизм ситуации и самое последнее место в ней самого для него важнейшего – его поэзии, Есенин осознал позже, уже в США. Тут до него дошло, что он лишь щепка на волнах геополитики, муха на её лобовом стекле. Не случайно он запил буквально по-чёрному, да ещё причастился мирового зла антисемитизма… Тогда Есенин перестал быть левым, тогда, ещё давая правильные «левые» интервью и совершая заказные акции, вроде размахивания красным флагом из окна гостиницы, он внутренне «обмирает» и перестраивается на шизоидный лад: официальная мимикрия, всё тот же практицизм вовне и опустошённость, обгорелый остов смешной юношеской мечты – внутри…

Положите меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Если бы от Есенина остались только стихи этого периода, когда он понял, что Чёрный человек успеха обманул его и взял в плен, – то и тогда Есенин бы остался: вот в этом «экзистенциальном крике» 1922-23 гг., как в образце, понятном всякой русской душе, которая есть душа болящая…

Но вот поэт на Родине. Слава растёт благодаря кабацкой лирике. Номер заграничный он отработал. Здравствуйте, товарищ Троцкий! Айседора больше не нужна никому: ни Есенину, ни Кремлю. Но оказалось, что «и сам я тоже больше здесь не нужен». Троцкий скоро начинает падать, власть расколота внутри себя, назревает конфликт…

Ну куда, ну куда он гонится?

Есенина губила необузданная самонадеянность. Достигнутого немалого было ему *мало*. Кажется, он решил идти до конца: всё или ничего. Это и есть гордыня, на которой давно и успешно играют.

Оставаясь в игре за социальное положение (или будучи в неё вовлекаем) Есенин делал выбор. И судя потому, что все его благожелатели: Троцкий, Фрунзе, Киров – были раньше или позже убиты, выбирал он не сторону Сталина.

Так что была и слежка, был и чекистский сюжет. Не зря Есенин «бегал» на Кавказ и лежал по больницам, собирая, должно быть, справки о своей невменяемости. Очаровательно сказанное Дункан в Берлине в интервью января 1925 года: «Мой муж в настоящий момент на Кавказе, куда поехал, чтобы сделаться разбойником. Он предполагает написать поэму о жизни бандитов, а потому решил сам заняться бандитизмом, чтобы подробно познакомиться с этой средой».

Не менее занятен и рассказ о поездке Есенина в Константиново на свадьбу родни. Там он устроил страшное представление, разгуливая по селу и непрестанно дебоширя в женском платье и даже в чулках. Большего ужаса для селян (трансвестизм!) и придумать нельзя. И скандал-то, шум-то какой прям до столицы: ну совсем Есенин с катушек слетел, видно, вот-вот повесится. А он, поди, диагноз отрабатывал. Слишком любил и уважал себя Сергей Есенин, чтоб без повода на посмешище и позорище выйти… Значит, надо было?

Захар Прилепин даёт в своём труде весьма подробную картину последнего года. Живописует путь падающей кометы. К концу 1925 года Есенин превратился по Прилепину в чёрт знает что такое. Прилепин, конечно же, максимально объективен. Но факты, факты! Но диагноз психиатра: Есенин психопат! Тут ничего не поделаешь. Великий Есенин банально допился до чёртиков…

Между тем, Есенин *в это самое время* готовит собрание сочинений. Почти на пике невменяемости Есенин 14 декабря отвечает далёкому адресату – провинциальному начинающему поэту. Письмо сохранилось, в нём – никакой неврастении, только спокойная доброжелательность… Собираясь в Ленинград в конце декабря 1925 года, Есенин выписывает чек на 750 рублей сестре Кате – делает ей свадебный подарок. Кто ему вообще чековую книжку доверил с такими суммами?

Прилепин приводит очень важный факт: в конце декабря руководить Ленинградом назначен Киров. Вот и едет Есенин (у которого в Москве и впрямь уже развивается по какому-то поводу паранойя) со всеми вещами и рукописями в Ленинград. Причём явно спешит. В Питере, как это видно по прилепинским страницам, посвящённым последним четырём дням жизни поэта, он боится, боится оставаться один. Он суетится, бодрится, постоянно пьёт. Впрочем, пьёт не водку. Сам по себе постоянно востребованный самовар говорит о многом: во время глухого запоя алкоголики чаёв не распивают…

Но судить и рядить можно бесконечно, и на каждый довод найдётся контрдовод. Все мемуаристы сходятся на самоубийстве? А вот мемуаристы, писавшие о генерале Корнилове, сходятся на том, что его убило снарядом. Но это не мешает же Прилепину говорить, что генерала «убили свои»? Документы, экспертиза? Ну да. А кто делал эти документы и эти экспертизы? Чего стоят документы страны, где уже правит товарищ Сталин? Справки из Министерства безопасности о том, что никаких чекистов вокруг Есенина никогда не было? Так что же, Захару не известно, что оперативная информация требует рассекречивания, и что никто ничего без постановления уполномоченных на то лиц – просто по запросу гражданина Прилепина – рассекречивать не будет?

Вот как описывает Захар роковой момент:

«Закрыл дверь изнутри, оставив ключ в замке.

В ночь на 28 декабря так и не ложился.

У потолка проходила труба парового отопления.

Он её заметил в первый же день.

Труба была высоко.

Есенин придвинул туда стол.

Выстроил себе пирамиду из подходящий мебели.

Снял с чемодана верёвку.

Перед тем как повеситься, сделал неглубокий надрез локтевого сухожилия правой руки.

Вчера на левой пробовал – ничего, терпимо. Тем более после трёх бутылок пива и всего выпитого с утра, вечера, позавчера…

Хуже, чем на душе, всё равно ничего нет.

Порезал – то ли чтобы наверняка, от общего остервенения и торопясь поскорее сбежать; то ли хотел ещё что-то написать и не стал, раздумал.

Рука кровоточила, но не сильно.

Чертыхаясь, полез наверх, уверенный в себе, как ребёнок.

Кружилась голова, тошнило.

Надо было торопиться…

Он убил себя около четырёх часов утра. Никто к нему в это время прийти не мог».

Да, действительно…

Собрание сочинений ушло в типографию. Прошлый Есенин был собран, отредактирован, отцензурирован, готов. Будущий Есенин был уже не нужен. Только беда – не нужен не только себе самому.

Будь уже Киров в Ленинграде, всё было бы сложнее. А пока ещё не подчинено ему здесь всё и вся – в самый раз.

Раньше – лет двадцать-пятнадцать назад – у меня самого не было сомнений в самоубийстве Есенина.

Смущает яма на лбу, которая на фото Наппельбаума и рисунке Сварога глубже, чем на посмертной маске, и имеет другое направление. Стал бы Есенин вешаться на *вертикальной* трубе, в канун праздника, на пике славы и благосостояния, к которым так долго и упорно шёл? Не очень похоже на него. Хотя, если тут замешана психопатия, то… Но что делал поэт Князев всю ночь у трупа в мертвецкой, и кто он такой, если его оттуда не погнали? Почему наклон вмятины на лбу Есенина не при каком раскладе не совпадает с трубой, на которой он повесился?

Всё это, собственно, уже не имеет значения. После революции в главном алтаре Оптиной пустыни повесили большой портрет Льва Толстого. Поэтому фактические обстоятельства смерти Есенина вторичны. Если «кто-то желает шагнуть дальше», то предлагаю вспомнить ещё раз о Ницше и его «Бог умер». Мы все непонятливы. Мы ни тогда, ни даже сейчас не можем понять, что Ницше высказал не предположение, не обозначил «мистический факт». Он произнёс витающую в его время в воздухе директиву. Глобальный циркуляр. В этом смысле поэзия умерла тоже, а сам поэт Есенин – ещё до своего рождения.

В чём заключалась есенинская поэтическая «эпистема»? Если писать – то говорить, если говорить – то говорить от сердца, только потом – от ума. *Видеть* человека, соотечественника и не бояться родства с ним, произнесённого вслух, *названного*… Сегодня понятно и сегодня можно сказать: Есенин долгое, для своей короткой жизни, время жил и писал прагматично. Лишь на пике, когда уже мог себе это позволить и когда стало невозможно далее обманывать себя относительно внешних, социальных, и внутренних перспектив, – стал возвращаться к себе: всё более и более. До собственного отражения, до погружения, до отчаяния. Высокое дарование позволяло ему идти вперёд, развиваться, зарабатывать, при этом сохраняя индивидуальность. Правда, компромисс это всегда временный…

Не знаю, как кому, но мне с самого начала наиболее близок был Есенин примерно с 1920 года: с «Сорокоуста», с «Исповеди хулигана», если брать ранее, то с «Я покинул родимый дом…» – 1919 год, где поэт – как он далее будет – уже есть. Повторю, это так *для меня*, и я позже понял, почему. Потому как раз, что это настоящий Есенин и есть. Есенин, переросший и пересиливший имажинизм, «вернувшийся из заграницы». И чтобы быть ему в народе до сей поры, в целом достаточно стихов 1920-1925 годов, за вычетом большинства «советских» посланий. «Пугачёв», «Анна Снегина», «Страна негодяев» в этом списке относительны, при всех своих достоинствах необязательны. А вот «Письмо матери», «Письмо к женщине», «Москва кабацкая», «Любовь хулигана» – необходимы. То есть по крайнему счёту Есенин – это, да, «попса». Впрочем, массовое – а поэт наш был именно что массов – это всегда «попса». Но почему же его тогда не заслонила и не стёрла из памяти поколений другая, новая попса? Потому что стихи Есенина – особенные. Есенин это говорящий род, «поющая кровь». Воплощённый в личности и судьбе архетип, материализовавшийся народный дух.

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Яблоко – вот эта высказанная поэтом материализация. Такие поэты как Есенин случаются только у великих народов. Только на зрелом дереве созревает плод – и яблоко падает перед всей развесистой кроной, как отделившийся от целого субъект. Тогда Дерево и Плод видят и осознают друг друга. И вот Россия Есенина «узнала», она не могла не услышать эти, одни из самых лучших в нашей поэзии, стихи:

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот
да весёлый свист…

И это не Есенин ещё в 1916 «отделил тень свою от тела». Это Россия отделила: где-то в поле чистом, у межи. Конечно, предстоял рост, мятеж, страдание – словом, предстоял *путь*. Родине предстояла история, поэту – судьба. Сейчас я только хочу поставить вопрос: а мог ли уцелеть Есенин, когда сама Россия пошла на слом? Я говорю не о материальном разрушении, хотя и его тоже хватало. Я говорю о том, что гипсом индустрии и инфраструктуры не укрепить тела, в котором душа перебита, в котором жизнь – это инерция, тем более продолжительная, чем мощнее и здоровее был источник. Русь начала сходить на нет во времена, зафиксированные Шукшиным и «деревенщиками». Рубцов сказал нам об этом. Именно это чувство сказалось в душе Ст. Куняева, когда он написал своё:

Церковь около обкома
приютилась незаконно…

Я не думаю, что Есенин понял всё это за пятьдесят лет до того. Я думаю, он *почувствовал* неотвратимость этого. Потому что осознал: Революция – не дело мужицкое, никакой *Руси* без *России* не может быть… И тогда какая разница, от чего именно погиб Голос? Сам он удавился, был устранён или был казнён? Нельзя представить Есенина пережившим *коллективизацию*. А она когда началась? Она началась, когда кончились революционные шутки. Поэтому Есенин был обречён.

Поэтому спорить не надо. Давайте сохраним Есенина в наших сердцах – постольку, поскольку мы хотели бы сохранить в сердцах нашу Россию. А для этого книгу Захара Прилепина «Есенин. Обещая встречу впереди» надо бы прочесть.

Есенина в книге премного. Это главное.

Остальное – ветер нашей эпохи.

г. Белгород

Полная версия – на сайте